

МИЯ ГРЭИ

РАЗВОД
БЕРЕМЕННА, НО СВОБОДНА

Мия Грэй

Развод. Беременна, но свободна

<https://litres.ru/74231883>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина Тихомирова привыкла быть удобной: готовить идеальные ужины, молча сглатывать обиды и прятать свои мечты в своём хобби. Её муж Кирилл смеялся над её кукольными домиками, называл их «ерундой» и менял на яркую коллегу с высокой зарплатой. Когда Алина ушла, у неё в кармане было одиннадцать тысяч рублей, чемодан картона и пустота внутри.

Но через месяц тошнота по утрам и две полоски на тесте перевернули всё. Она беременна от человека, который её предал. Первый порыв — вернуться, умолять, спасти семью. Но потом она вспомнила, как он смеялся над её мечтами. И поняла: лучше быть бедной и свободной, чем богатой и запертой в клетке.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Мир в спичечном коробке	5
Глава 2. Красная нить	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мия Грэй
Развод. Беременна,
но свободна

Глава

Глава 1. Мир в спичечном коробке

Она никогда не считала себя несчастной. Это было бы слишком громко и пафосно, а Алина Тихомирова вообще не любила громких слов. В её мире существовал определённый, выверенный годами порядок: мягкий свет торшера в гостиной, запах индийского чая, который она заваривала ровно три минуты, и тихое поскрипывание половиц в прихожей, когда Кирилл возвращался с работы. Она жила в этом порядке, как рыба в аквариуме с идеально отфильтрованной водой, не замечая, что стенки стеклянного сосуда становятся всё тоньше и тоньше. Ей казалось, что любить — значит быть удобной, не задавать лишних вопросов и вовремя поправлять скатерть на кухонном столе. Она любила так, как умела: молчаливо, преданно и с какой-то щемящей, почти болезненной нежностью, которую прятала глубоко внутри, чтобы ненароком не спугнуть хрупкое равновесие их совместного быта.

Квартира на проспекте Мира пахла деревом и дорогим парфюмом, который Кирилл приносил из командировок. Она была слишком большой для двоих, но именно в этой казённой пустоте Алина пыталась создать уют, который он, казалось, не замечал. Она знала, что в шкафу его рубашки разложены по цветам радуги — от белоснежного до серо-голубого, что на полке в ванной его гель для душа стоит строго с

правой стороны, а её собственный, с запахом ванили, ютится где-то в углу, почти забытый. Она знала его привычки, его жесты, его любимые фильмы, на которые он никогда не звал её смотреть. Но самое главное своё знание она берегла как тайну: Кирилл был её миром. Единственным миром, в котором она чувствовала себя нужной, пусть и не всегда понятой.

Утро началось, как всегда, с тишины. Кирилл уже ушёл, оставив после себя запах кофе и небрежно брошенное полотенце на спинку стула. Алина аккуратно повесила его обратно, поправила шторы, которые чуть сбились от сквозняка, и прошла на кухню. За окном накрапывал дождь, серый и монотонный, заставляя город казаться акварельным рисунком, где краски расплывались в бесконечной влажной дымке. Именно в такие дни ей хотелось создать что-то особенное, что-то, что могло бы вместить в себя крошечную, но совершенную вселенную.

Она села за свой письменный стол, который занимал целый угол в их спальне, и который Кирилл называл не иначе как «верстак чудачки». На столе в идеальном порядке лежали её инструменты: тонкий скальпель для резки картона, маленькие кисточки, баночки с акриловой краской, почти прозрачные нитки и, конечно, спичечные коробки — главные «кирпичики» её волшебства. Сегодня она начала строить новую комнату. Маленькую гостиную с камином из зубочисток и крошечным диваном, который она сшила из обрезков бархата, оставшихся от старого платья.

Она погрузилась в работу так глубоко, что перестала слышать звуки города за окном. Её пальцы двигались с ювелирной точностью, приклеивая крошечную люстру из бисера к потолку, который был сделан из крышки обувной коробки. Алина представляла, как в этом домике живут крошечные люди, такие же тихие и незаметные, как она сама. Они пьют чай, сидят у камина и никуда не спешат. В этом вымышленном мире не было места для холодных взглядов, для фраз «это ерунда» и для чувства, что ты лишняя в собственной жизни. Здесь был только покой и чистая, безусловная красота.

Она так увлеклась, что не сразу заметила, как в коридоре хлопнула дверь. Кирилл вернулся раньше обычного. Он стоял на пороге спальни, снимая пиджак и с лёгкой усмешкой разглядывая её склоненную фигуру. От его внимательного взгляда Алина на мгновение съёжилась, будто её застали за чем-то постыдным, хотя она знала, что не должна чувствовать вину за своё увлечение.

— Опять клеишь свои шкатулки? — спросил он, и в его голосе прозвучала та самая снисходительная нотка, которая всегда заставляла её внутренне сжиматься. — Алина, серьёзно, взрослый человек, а ты возишься с картонками. Мне кажется, тебе бы стоило найти какое-то более... полезное занятие. Может, курсы по рисованию или что-то в этом роде? Я бы оплатил.

Он говорил это так, будто делал ей одолжение, будто она

была его проектом, который нуждался в доработке. Алина подняла голову и посмотрела на него. В его глазах не было злобы, только лёгкое недоумение и, как ей казалось, жалость. Она сглотнула комок в горле, который появлялся каждый раз, когда он так с ней разговаривал. Ей хотелось сказать ему, что это не просто «картонки», что она создаёт целые миры, что в этих маленьких домиках живут её мечты, её надежды, её любовь, которую она не могла выплеснуть на него, потому что он не принимал её всерьёз. Но вместо этого она лишь улыбнулась той привычной, мягкой улыбкой, которая, как она думала, могла его обезоружить.

— Это последний этап, — тихо сказала она, убирая скальпель в сторону. — Я почти закончила. Там будет маленькая колыбель, которую я хочу сделать из скорлупы грецкого ореха.

Кирилл фыркнул и прошёл к бару, чтобы налить себе виски. Он даже не подошёл посмотреть. Его мир был слишком большим и успешным, чтобы тратить время на подобные «игрушки». Он был менеджером по продажам, человеком, который вращался в мире больших денег, статусных вещей и правильных решений. Его жена, сидящая над спичечным коробком, была для него чем-то из разряда атавизма, милым, но абсолютно непрактичным пережитком, который он терпел ради того, чтобы приходить домой к горячему ужину и идеально чистому белью.

— Как хочешь, — бросил он через плечо, — это твои дела.

Но ты бы хоть подумала о себе. О работе, в конце концов.

— У меня есть работа, — еле слышно возразила она, хотя они оба знали, что её «работа» заключалась в том, чтобы поддерживать порядок в его доме и быть его тенью. Она не перечила, она знала свою роль. Он кормилец, он главный, он крыша над головой. И за это счастье она должна была платить тишиной и послушанием.

Вечер прошёл как обычно. Ужин, который она поставила в духовку ещё за час до его прихода, был съеден молча, под звуки новостей по телевизору. Кирилл проверял почту на планшете, иногда хмурясь и бросая короткие комментарии о том, что на работе опять «идиоты» и «бестолочи». Алина кивала, подливала ему сок и думала о том, что домик на её столе почти готов. Осталось приклеить крышу и сделать маленькую лестницу из веточек. Она уже видела её мысленно — витую, изящную, ведущую в никуда, к маленькой двери, за которой начинается настоящая сказка.

Когда он лёг спать, она ещё долго сидела в темноте, глядя на свет уличных фонарей, пробивающийся сквозь жалюзи. Она смотрела на спящего мужа, на его расслабленное лицо, на то, как он безмятежно дышит во сне, и чувствовала странную пустоту. Она была рядом, но ощущала себя далёкой, как этот маленький домик на столе — существующий в параллельной реальности, куда у неё был вход, а у него — нет. Она погладила себя по животу, где пока ещё ничего не было, но где уже начинала зарождаться та самая, новая, абсолютная

любовь, которая изменит всё.

«Завтра, — подумала она, укрываясь пледом на диване, потому что он любил спать один, — завтра я доделаю лестницу. И этот домик будет идеальным».

Она закрыла глаза, и в голове её уже звучал стук крошечных молоточков, шёпот крошечных жителей и тихий, бесконечный звон свободы, который она пока не смела назвать своим именем.

Глава 2. Красная нить

Следующие три дня прошли в странной, почти ватной тишине. Кирилл был занят отчётами, Алина — своим домиком, и они существовали в параллельных плоскостях, как два небесных тела, которые давно разошлись по разным орбитам, но всё ещё по инерции вращались вокруг общего центра тяжести. Она заканчивала лестницу, и у неё это получалось особенно хорошо: она склеила тонкие берёзовые веточки, покрасила их в тёплый ореховый цвет и покрыла лаком, чтобы они блестели, как настоящие. На ступеньках она нарисовала крошечные завитушки, словно следы от маленьких ног. Ей казалось, что если прислушаться, можно услышать, как по этим ступенькам кто-то поднимается, чтобы заглянуть в крошечное окошко, вырезанное в стене.

Но в тот самый вечер, когда она уже собиралась приклеивать крышу, судьба решила сыграть с ней в свою жестокую игру. Кирилл ушёл в душ, оставив свой телефон на кухонном столе. Обычно он никогда не расставался с ним, носил в кармане пиджака, как оружие, и заряжал только ночью. Но в этот раз, то ли от усталости, то ли от самоуверенности, он забыл его, и экран продолжал гореть, притягивая к себе Алину, как свет маяка притягивает корабли во тьме.

Она не хотела смотреть. Правда, не хотела. Она даже отвела глаза и сделала шаг назад, к своему столу, к своему без-

опасному, картонному миру. Но какая-то сила, которую она не могла объяснить ни логикой, ни воспитанием, заставила её обернуться. Может быть, это было то самое женское чутьё, которое всегда молчит в спокойные времена и сходит с ума, когда надвигается буря. Она взяла телефон дрожащими пальцами, как вор, который крадёт не чужое, а самое своё, самое болезненное.

На экране светилось уведомление от контакта, подписанного просто — «Лера». Но Алина знала эту Леру. Лера была его коллегой по отделу, той самой яркой, дерзкой брюнеткой с высокой зарплатой и голосом, который звенел как дорогое шампанское. Кирилл иногда упоминал её за ужином, небрежно, как упоминают мебель или погоду: «Лера сегодня опять всех переспорила на планёрке», «Лера получила премию, везучая», «Мы с Лерой задержались на корпоративе, она там такую речь толкнула — все рты открыли». Алина не ревновала тогда. Она привыкла не ревновать, потому что ревность — это тоже громко, а она всегда была тихой.

Но то, что она увидела в этом уведомлении, не было просто «перепиской». Это было нечто иное, живое и горячее, что обжигало глаза, как кислота. Она открыла чат, и строчки заплясали перед ней, как злые, насмешливые духи. «Мишка, ты сегодня был таким умным, что я чуть не растаяла», «Я соскучилась, когда ты уйдёшь от своей домохозяйки?», «Фото, смотри, какой у меня новый лифчик, он тебе понравится». И ниже — фотография, полуобнажённая, откровен-

ная, которую он, очевидно, попросил или заслужил.

Алина стояла, приросшая к полу. Она не плакала, не кричала, не уронила телефон. Она просто читала, как читают роман о чужой, невыносимо чужой жизни, где героиня — не она. Там были даты, совпадавшие с его командировками. Там были фразы «буду поздно, не жди», которые она принимала за усталость, а они оказывались билетами в другой мир. Там было всё: и нежность, и страсть, и обещания, которых он никогда не давал ей, потому что считал, что она слишком «простая» для таких слов.

Она не знала, сколько времени прошло. Может, минута, может, час. Когда она услышала, как зашумела вода в душе, она механически поставила телефон на место, точь-в-точь как он лежал, и отошла к окну. В груди было пусто. Не больно — именно пусто, как будто кто-то вырезал ложкой всё, что было внутри, и оставил лишь тонкие стенки, которые вот-вот треснут. Она смотрела на ночной город, на огни далёких машин, и вдруг чётко и ясно поняла: её мир, тот самый, который она выстраивала годами, рухнул. И в этом рухнувшем мире, среди обломков идеальных рубашек и выглаженных скатертей, осталась только она, настоящая, беззащитная, но странным образом освобождённая от всего, что её душило.

Кирилл вышел из душа, на ходу вытирая волосы. Он был расслаблен, даже слегка напевал что-то, и не заметил её странной неподвижности.

— Чай будешь? — спросил он обычным голосом.

Она повернулась к нему. Её лицо было бледным, как та самая бумага, из которой она делала свои домики, но глаза горели ровным, холодным пламенем. Он наконец-то заметил и замер с полотенцем в руках.

— Что с тобой? Ты заболела?

— Нет, — ответила она, и её голос прозвучал неожиданно твёрдо, без привычной мягкой дрожи. — Я не заболела. Я просто поняла, что моя жизнь — это спичечный коробок. Только ты называл его игрушкой, а я — счастьем. Оказывается, я ошиблась.

Она сказала это тихо, почти шёпотом, но в этом шёпоте было столько силы, что Кирилл на мгновение растерялся. Он сделал шаг к ней, пытаясь обнять, но она отшатнулась так резко, будто его руки были раскалёнными.

— Ты про что? — он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой и неестественной.

— Про Леру, — выдохнула она. — Про ваш «Мишка». Про её лифчик. Про всё, что я не хотела знать, но теперь знаю.

Его лицо мгновенно переменилось. Тень, которая только что была расслабленной, превратилась в маску злого, загнанного в угол зверя. Он не стал отрицать. Он был слишком прагматичным для этого. Он просто скрестил руки на груди и выдал ту самую фразу, которую Алина запомнит на всю жизнь, как приговор, как плевок в самое сердце.

— Ну да, есть такое. А ты что думала? Что я всю жизнь буду смотреть на твои картонки и чувствовать себя счастливым? Ты не работаешь, не развиваешься, ты просто... существуешь. А там, — он кивнул в сторону телефона, — там живая, настоящая женщина, у которой есть цели, амбиции. Она понимает меня.

Алина смотрела на него и удивлялась, что она всё ещё стоит на ногах. Ей казалось, что эти слова должны были разорвать её на части, но они прошли сквозь неё, как сквозь призрака. Внутри неё вдруг проснулась та самая злая, сильная девочка, которую она прятала годами, под слоями послушания и уютных ужинов.

— Понимает тебя? — переспросила она, и на губах её появилась тонкая, почти незаметная усмешка. — Кирилл, ты даже не понимаешь сам себя. Ты живёшь ради денег, статуса, ради того, чтобы все вокруг считали тебя успешным. А внутри ты пустой. И Лера тебе нужна не потому, что она «понимает», а потому что она — ещё один блестящий фантик для твоей коллекции. Но знаешь что? Я больше не хочу быть твоей фантиком.

Она развернулась и пошла в спальню, туда, где стоял её «верстак чудачки». Она не стала собирать вещи в суматохе, как это делают героини фильмов. Она спокойно, с ледяной методичностью, сложила в старую спортивную сумку свои инструменты: скальпель, кисточки, краски, нитки, клей. А потом, помедлив, взяла с полки тот самый незаконченный

домик — со вчерашней лестницей, с камином из зубочисток, с колыбелью из скорлупы грецкого ореха, которую она так и не успела сделать. Она бережно завернула его в мягкую тряпку и положила сверху.

Кирилл стоял в дверях и смотрел на неё с ноткой неприкрытого раздражения.

— Ты серьёзно? И куда ты пойдёшь? К подружке в общагу? Ты же ничего не умеешь, Алина! Ты не сможешь жить без меня, ты даже нормальное резюме не напишешь!

— Я напишу, — сказала она, застёгивая молнию. — Я напишу резюме мастера по созданию кукольных домиков. Хотя бы потому, что это единственное, чему ты меня не научил, потому что ты никогда не считал это делом.

Она прошла мимо него, даже не взглянув. В прихожей она надела своё старое пальто, которое висело здесь со студенческих времён, и взяла ключи от своей маленькой кредитки, на которой лежала смешная сумма, её личные сбережения, копившиеся годами от мелких подработок.

— Алина, подожди! — крикнул он ей в спину, когда она уже стояла на пороге. — Это же глупо! Мы можем просто... ну, пожить раздельно недельку. Остыть. Я не хочу развода.

Она обернулась, и в её взгляде мелькнула тень той прежней, мягкой Алины, той, что любила его.

— А я хочу, Кирилл, — сказала она тихо. — Я хочу, чтобы меня перестали считать ошибкой. Потому что ошибка — это ты. Во всей этой ситуации. Но я тебя прощаю. Потому что у

меня теперь есть тот, кого я буду любить по-настоящему.

Она положила руку на свой живот, где ещё ничего не чувствовалось, но где, сама того не зная, уже зарождалась новая жизнь.

Она закрыла за собой дверь и спустилась по лестнице в промозглый вечерний город. Сумка с инструментами тяжело тянула плечо, но внутри неё звенели не только ножницы и скальпели. Внутри неё звенела свобода, горькая и холодная, как первый снег, но от этого не менее настоящая. Она шла по мокрому асфальту, и капли дождя смешивались со слезами, которые она наконец-то позволила себе пролить. Только сейчас, на улице, одна, она дала себе волю плакать — взхлёб, громко, по-детски, потому что никто не видел, никто не осудил, и никто не сказал ей «не плачь, это ерунда».

Она свернула в подворотню, достала телефон и набрала номер подруги — единственной, которая всегда говорила ей правду, даже самую горькую.

— Марина, — выдохнула она, шмыгая носом, — я ушла от Кирилла. Можно я у тебя переночую? Просто одну ночь.

В трубке повисла пауза, а потом раздался громкий, взволнованный голос:

— Линка, ты что, с ума сошла? Конечно, приезжай! Я сейчас постелю тебе! Только ничего не говори, всё расскажешь на месте. Ты где?

Алина назвала адрес ближайшей остановки, и они договорились о встрече. Она шла по ночному городу, и с каж-

дым шагом её грудь наполнялась странным, незнакомым чувством, похожим на предвкушение. Она не знала, что принесёт ей завтрашний день, не знала, сколько денег у неё в кармане и где она будет работать. Но она знала твёрдо: никогда больше она не позволит никому назвать её мечту «картонкой». И эта мысль грела её сильнее, чем любое обещание Кирилла, которое когда-либо было сказано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.